

0: ЮРЕК ОВСЯК — ДИРИЖЕР «ОРКЕСТРА СЕРДЕЦ»

Вот уже девять лет в первое воскресенье января начинает играть самый большой в мире оркестр — Большой оркестр рождественской помощи. В этот день по улицам идут толпы людей с прицепленными к пальто и курткам сердечками из красной бумаги. Сердечко означает участие в удивительно благородном предприятии. Чтобы стать участником «оркестра горячих сердец», не обязательно уметь играть на каком-нибудь инструменте, можно даже нот не знать: достаточно одного лишь желания помочь человеку, а если точнее — больным детям. Большой оркестр рождественской помощи — это стихийно возникшая общепольская благотворительная акция, цель которой — собрать деньги, необходимые для спасения жизни и здоровья самого младшего поколения. «Финал Большого оркестра» — ежегодный праздник любви, дружбы и музыки. Сотни концертов по всей стране, миллионы зрителей перед экранами телевизоров и благородное соперничество: кто соберет или даст больше денег. На экранах с головокружительной скоростью растет сумма, на которую закупят совершенное медицинское оборудование. В этот день мы не только замечательно отдыхаем, но и чувствуем гордость за то, что мы поляки, и надеемся, что оркестр на самом деле будет играть, как обещает его создатель и вдохновитель Юрек Овсяк, «до конца света и еще один день». И мы вместе с ним!

О себе Овсяк недавно сказал, что «такую рожу с другой не спутаешь». Когда я увидела его впервые по телевизору, то подумала, что так мог бы выглядеть современный клоун: пухловатое лицо, острижен под ежик, большие очки в красной оправе, желтая рубаша и красные брюки. Теперь я думаю, что в его облике не было ничего деланного. Он не придумывал себя — такой он и есть. Сошедший с ума от безумной любви к жизни и демонстрирующий эту любовь на все лады. Но самое главное — он настоящий. И дефект речи у него настоящий, хотя кое-кто думает, что это поза. Настоящий и его язык, ядреный и сочный, не без крепкого словца, с выражениями, да простит меня переводчик, типа: «Все путем», «Ой, что щас будет!», «Чего хотите, то и ворочайте!» Такого языка не устыдился бы и Рабле, будь он нашим современником. Но он совершенно не притворяется — просто он такой. В этом весь Юрек Овсяк. За это мы его и любим.

В ряду нравственных авторитетов молодежь ставит его на второе место — сразу после Иоанна Павла II. Такое обязывает. Но этот выбор отнюдь не случаен: Овсяк олицетворяет все, что молодежь безуспешно ищет во взрослых. Его принципы — честность, правда, логика и — не соваться в чужие дела. Он ненавидит хамство, высокомерие, агрессивность, двурушничество. Его жизнь — в музыке: классический рок, панк, фолк, рэгги, джаз. Он ездит на велосипеде, но в то же время обожает большие машины, особенно трейлеры и вездеходы. Верит в Бога, но ценит Далай-ламу и восхищается им. И при всем при этом он ужасно остроумен — абстрактным, первобытным и диким остроумием. Он не только музыкальный ведущий на радио и телевидении, но и *spiritus movens* музыкальных фестивалей, путешественник, создатель витражей и, наконец, душа ежегодной благотворительной акции, размах которой кажется безграничным! Ему скоро пятьдесят, но жизни в нем больше, чем в любом двадцатилетнем! Даже те, кто его лично не знает, называют его только «Юрек», словно он их приятель. Я не удивлюсь, если и в его паспорте вместо положенного «Ежи» записано «Юрек».

Со свойственным ему лукавством он говорит, что его создала армия. Образцовым учеником он никогда не был, случалось оставаться на второй год. А потому ничего странного, что он провалился на вступительных экзаменах и на факультет психологии, и в Академию изобразительных искусств. Когда же армия наложила на него свою тяжелую лапу, он понял, что любой ценой должен отвернуться от почетного долга защищать родину. Оказавшись в армии, он начал симулировать психическое заболевание. Успех был скорее половинчатым: после многочисленных врачебных комиссий он на полтора месяца попал в психбольницу в Хороше. Однако здесь, парадоксально, и началось захватывающее приключение: некоторое время спустя он из пациента превратился в психотерапевта в варшавском центре «Синапсис», где познакомился со многими интересными людьми.

Он контактировал с больными, умел к ним подойти, а когда впервые (случайно, конечно) оказался на радио, все сразу стало ясно: его своеобразное чувство юмора обратило на себя внимание, и его пригласили вести передачу. И вот что интересно: слушателям не мешал его специфический выговор (хоть Юрек и заика, но, заикаясь, он говорит с космической скоростью), им было важно, что он говорит.

Его стиль можно сравнить со стилем Монти Пайтона. О телепрограмме «Чего хотите, то и ворочайте, или Рок-н-ролл без передышки» он вспоминает в своем большом интервью, которое провел с ним Бартоломей Добровичинский:

«Была постоянная группа, снимавшая нас. Каждому хотелось участвовать в этой программе, во-первых, из-за обжираловок, которые мы устраивали, а еще — потому что все делалось на полном серьезе: огни разжигали, чуть что — студия рушилась, воду лили, дым пускали, все время переодевались, коровы входили, индеец въезжал на настоящем коне, а телезвезда Иоланта Файковская шла за этим индейцем. А потому, как только снимали “Чего хотите, то и ворочайте”, сразу вокруг нас появлялась масса народу — хоть посмотреть, что творится. По всему телевидению пошел слух, что это какие-то необыкновенные программы». Таких программ было выпущено 125, а последнюю из них закончил большой «Бум»: на военном полигоне взорвали декорации и чучела ведущих — Юрека Овсяка и Агаты Млынарской.

Потом была «Дыра в корзине» — программа, весьма своеобразно пропагандировавшая баскетбол. Бог знает во что одетый Юрек со своей командой ездил по маленьким городкам и раздавал дворовым командам баскетбольные корзины от фирмы «Пепси-кола».

«Она вертится» — программа для путешественников. Юрек побывал и у ближайших соседей, например в Финляндии, видел и Канаду, Соединенные Штаты, и такие экзотические места, как Южно-Африканская Республика, Борнео, Вьетнам, Индия или Непал.

Его пристрастие к хэппенингу вовсю проявилось в передаче «Свободу слону», где весьма нелицеприятно был показан варшавский зоопарк. Передачу сняли с эфира. В настоящее время Овсяка можно увидеть во II программе: в своем неподражаемом стиле он ведет передачу «Танцуйки», летом сменяющуюся передачей «Безопасные каникулы».

В то же самое время не забывал он и своих радиослушателей: сначала были передачи по Харцерскому радио, потом по III программе Польского радио. Сейчас по I программе Польского радио в цикле «Она вертится» Юрек ведет некоммерческую молодежную музыку.

Как-то раз, ведя музыкальную программу «Брум», Овсяк взволнованно объявил слушателям, что клинике кардиохирургии варшавского Центра детского здравоохранения не хватает оборудования для спасения жизни детей. Эту новость сообщила одна телеведущая, пригласившей, участвовать в своей передаче молодых врачей. Центр детского здравоохранения, называемый больницей-памятником, — наверное, самая известная детская больница в Польше. Достаточно было Юреку крикнуть: «Люди! Мы обязаны что-то сделать!» — как на следующий день на радио стали поступать деньги. Просто в конверте, по почте! Жертвовала в основном молодежь. В минуту испытания молодые люди оказались необычайно отзывчивы к чужой беде.

В декабре 1991 г. возникла идея Большого оркестра рождественской помощи. По призыву Овсяка его слушатели и молодые музыканты стали проводить рок-концерты, а поступления передавать кардиохирургической клинике в Центре детского здравоохранения. В 1992 г., во время фестиваля молодежной музыки в Ярочине, прошел полуфинал, а 3 января 1993 г. — первый финал Большого оркестра. Было собрано около двух миллионов долларов! Чтобы не растратить эти деньги, весной 1993 г. был создан Фонд Большого оркестра рождественской помощи, неправительственная организация, никак себя не определяющая политически, религиозно или философски. В состав правления вошли Лидия и Ежи Овсяк, Богдан Марушевский, Петр Бурчинский и директор Центра детского здравоохранения Павел Янушевич. Собранных в первом финале оркестра денег хватило не только для клиники варшавской больницы, но и для всех 11 детских кардиохирургических клиник в Польше!

С тех пор каждый год повторяется одна и та же картина. Правление фонда по согласованию с экспертами намечает цель, на которую будут собирать деньги. После того как деньги собраны, их отправляют в банк, а осенью проходит аукцион медицинского оборудования. Фонд не предоставляет индивидуальной помощи, не передает деньги учреждениям здравоохранения и не занимается хозяйственной деятельностью; ни один из его членов-учредителей не получает денежной компенсации за свою работу. Каждый раз собранная сумма декларируется в министерстве внутренних дел и администрации: до конца февраля туда должен поступить полный финансовый отчет очередного финала. Лишь 5% собранных средств Фонд может направить на содержание бюро, в котором сейчас работают восемь человек.

Итогом восьми финалов стала закупка медицинского оборудования на 23 млн. долларов, которое безвозмездно передано 650 больницам и другим учреждениям, причастным к спасению человеческой жизни: например, государственной и добровольной пожарной охране, добровольной спасательной службе в Татрах, добровольной службе спасения в горах и на водах.

В работе Большого оркестра, превратившей Юрека Овсяка в общественного деятеля, проявилась философия положительного мышления; она стала доказательством того, что если по-настоящему хочешь сделать что-то

полезное, то сумеешь. Но главное — она создала «народное ополчение» молодых. Это их движение! Овсяк предложил молодежи нечто чрезвычайно привлекательное: покажем, чего мы стоим, но ни на миг не перестанем веселиться! Финалы оркестра все еще выглядят как большая стихийная ярмарка. Из года в год, затаив дыхание, мы смотрим их по телевизору, вместе со всей Польшей радуемся тому, что растут поступления, и ждем, не будет ли и на этот раз установлен рекорд.

В сборе пожертвований участвуют несколько десятков тысяч молодых людей со всей Польши. Обратившись в фонд с письменным заявлением, каждый из них получает удостоверение и кружку для сбора денег на улице. Проходим, дающим деньги, вручают бумажные сердечки-самоклейки. В этот день на улице редко кого встретишь без сердечка. И неважно, сколько подают. Как раз самые скромные суммы часто бывают самым искренним даром, от всей души. Попадает в кружки и валюта, а случается — даже и перстни, обручальные кольца и другие ювелирные изделия. Их переплавляют в кулоны-сердечки и в следующем финале выставляют на аукцион. Цена сердечка под номером один в ходе телевизионного аукциона достигает головокружительных сумм! В аукционе участвуют как частные лица, так и банки, для которых благотворительная деятельность — элемент рекламы.

Поступают на аукцион и другие дары. Одним из самых экзотических и вызвавших массу пересудов в печати был самолет МиГ, подаренный армией. Охранная фирма, которая его в конце концов купила, избрала для себя лозунг: «Мигом будем у вас!» Помню, как мы восхищались одним из аукционов: зрелище почище иных спортивных состязаний! Два банка бились друг против друга, точно боксеры на ринге, — до нокаута.

Во время ежегодных финалов II программа Польского телевидения собирает рекордное количество зрителей. В двух студиях располагается штаб. В одной — установлены компьютеры, куда со всей Польши стекаются сведения о денежных поступлениях, — они следят за ходом аукциона. В другой — проходят выступления музыкальных ансамблей, там держат связь с региональными студиями. Местных штабов оркестра насчитывается уже несколько сот. Люди стихийно организуются снизу, чтобы приблизить достижение благородной цели, чтобы потом можно было сказать: и я внес свою лепту в общее дело. Каждый город хочет первенствовать в сборах, но даже те, кому не удалось собрать много, могут заявить о себе в передаче. Юрек все время в готовности, в студии: он с радостью громко провозгласит, а потом, когда уже не хватает голоса, и прохрипит каждую сумму и поблагодарит за помощь. Следя во время одного из первых финалов за данными, поступавшими из штабов, я испытала такие ощущения, как будто наблюдаю за высадкой человека на Луну. Хотелось сорваться с места и куда-то бежать, быть вместе с этими людьми. Незабываемые ощущения...

Наверное, поэтому так много молодых людей каждый год занимаются сбором пожертвований. Наконец-то появилось дело, которое обходится без надзора со стороны старших. По завершении сбора они должны самостоятельно вынуть деньги из кружки, пересчитать и перевести их на счет оркестра. За все это они получают всего лишь открытку с благодарственной надписью «Твое сердце полно рок-н-роллом и любовью» и еще кое-что — чувство сплоченности в общем деле! Такие же открытки фонд высылает и жертвователям. Акция оркестра вызвала такой общественный резонанс, что иногда судьи, карая правонарушителя денежным штрафом, указывали счет оркестра как то место, куда следует внести деньги. Представьте себе выражение лица этого человека при получении открытки «Твое сердце полно рок-н-роллом и любовью». Впрочем, фонд не одобряет «даров», получаемых таким способом. «Возможно, одним из слагаемых успеха стало то, что мы даже не пытаемся шантажировать людей. Поэтому сбор средств происходит на улице. Люди сами должны прийти к оркестру», — сказал Юрек в одном из интервью.

Однако и сбор средств на улице вызывает ряд сомнений, начиная с самых очевидных, касающихся честности сборщиков, да и того, что их никто не охраняет. Случались нападения, у ребят отнимали кружки. Но, к счастью, такое происходит крайне редко, а успех акции свидетельствует о том, что молодежи можно и следует доверять.

Постоянно звучат голоса недоброжелателей Овсяка, что, мол, акции его оркестра — это своего рода самореклама. Не все верят, что лично ему ничего не перепадает от деятельности фонда. Его бескорыстие постоянно подвергается сомнению, не всегда выражаемом в парламентских формах. Кое-кого раздражает его стиль и то, что он велит детям «побираться». Но они забывают при этом, как много хорошего сделал фонд, что он помогает государству оснастить больницы оборудованием, спасая тем самым жизнь и здоровье маленьких его граждан. Юрек научился сносить унижения молча, хотя при его пылком характере это наверняка было не просто. Впрочем, отвечать на высосанные из пальца обвинения — это все равно, что их признавать.

Юрек обожает молодежь. Для нее он организует летние концерты на открытом воздухе «Остановка Вудсток» — своеобразную благодарность за тяжелый труд на благо других. Если деятельность оркестра вызвала ряд неблагоприятных комментариев, особенно в правых кругах, то организация концертов подняла настоящую

бурю. Овсяка обвиняли в растлении молодежи, нравственном релятивизме, нигилизме, пропаганде культуры смерти.

Но Овсяк принимает молодежь такой, какова она есть. Он не считает себя вправе указывать ей единственно верный путь. Молодые люди приезжают на «Остановку» с жадной найти друзей, быть выслушанными и понятыми. И, конечно, им нужно дать выход энергии, покричать. Эти желания, свойственные молодежи, часто натывают на стену непонимания взрослых. Действительно, когда несколько десятков тысяч молодых людей собираются на огромный концерт, начинает действовать закон толпы, и не всегда происходит то, что готовы одобрить взрослые. Подвыпившие юнцы дебоширят, дилеры торгуют наркотиками, порой дело доходит до драк и актов вандализма. Именно эта сторона отражена в прессе, настроенной по отношению к Овсяку критически.

Однако размах таких концертов и их организация впечатляют. Надо было установить 250 туалетных кабин, 240 водопроводных кранов, 30 телефонов-автоматов, банкомат (который за три дня провел 1700 операций!). Вопреки сценариям тех СМИ, которые всё видели в черном цвете, ничего не было сломано! Параллельно, 6-8 августа 1999 г., проходила акция «Остановка Иисус» — начинание католических священников, стремившихся нести Благоую Весть и приблизить молодежь к Богу. Общество Сознания Кришны раздавало вегетарианскую еду (было роздано около 50 тыс. порций), «Клуб Гайя» собирал подписи против транспортировки животных в жутких условиях, антирасистская организация «Никогда больше» проводила профилактику СПИДа, группа «Familia» («Семья») призывала молодежь покончить с наркотиками, и многие подписали заявление, что не будут принимать их «до конца жизни и еще один день». Когда по телевидению прозвучало обвинение в том, что ехавшая на «Остановку» молодежь причинила ущерб 150 поездкам на сумму около 16 тыс. злотых, оркестр полностью покрыл этот ущерб, сдав в металлолом 500 тыс. кружек.

Во время финала, который проходил под девизом спасти жизнь детей, попавших в автодорожные происшествия, выяснилось, что, кроме оборудования, еще очень важна профилактика — обучение детей правилам уличного движения. Это положило начало телепрограмме «Безопасные каникулы», где детей призывают, например, пользоваться касками при езде на велосипеде, прикреплять к одежде нашивки-отражатели, повышающие безопасность детей на дорогах. С легкой руки Овсяка и его команды и при участии дорожной полиции в Дорожный кодекс было внесено положение об обязательном ношении таких нашивок для пешеходов за границами города. Уже роздано более 750 тыс. нашивок-отражателей, особое внимание при этом было уделено детям из сельской местности, для которых носить подарок от Юрека Овсяка — дело чести.

Чего боится Юрек Овсяк? Старости и дряхлости. А еще, может, немного своей жены, о которой всегда говорит с величайшей нежностью: она его опора и помощь во всех, даже самых сумасшедших планах. Странно, но при всей своей эстрадной природе Юрек Овсяк больше всего ценит спокойствие домашнего очага. Он не любит тусоваться, хотя запросто мог бы. В своей книге Юрек отмечает, что именно своей жене он обязан тем, что дом убережен от настоящего половодья «друзей», способных превратить дом в подобие автовокзала.

О чем еще может мечтать человек, добившийся такого успеха? На этот вопрос молодых людей он ответил, что у него нет притязаний распространять деятельность оркестра на другие страны, не хочет он стать ни политиком, ни, тем более, президентом, как предложил ему один из молодых почитателей. Единственное, чего ему хотелось бы, — устроить большой концерт в центре Чикаго. В программе такого концерта нашлось бы место для польской музыки самого высокого класса: джаза, классики, фольклора. Это был бы своего рода сильно поддержанный рекламой бесплатный хэппенинг, продолжающийся весь день и кончающийся буйством фейерверков. Думаете, ему кто-то сможет в этом помешать?.. Юрек Овсяк, человек-оркестр, чем-то еще он нас удивит?..

1: ПОХМЕЛЬЕ И КЛИН

Несколько лет назад Ян Гондович — критик, чьих новых статей я нигде не могу найти, — прочитал книгу вроцлавского литературоведа Тадеуша Климовича «Путеводитель по современной русской литературе и ее окрестностям (1917-1996)» и с подлинной горечью написал следующие слова: «И это все?.. (...) Все, что осталось от невиданной плеяды талантов? (...) Все, что было начато “Двенадцатью” Блока и завершилось “Архипелагом ГУЛАГ” Солженицына, оказалось всего лишь ненужной беллетристикой несуществующего государства?»

«Почти полное собрание сочинений» Венедикта Ерофеева, изданное на польском языке в Кракове, принадлежит к выдающимся явлениям, несколько смягчающим эту горечь.

И таких книг довольно много — хотя следует признать, что большинство из них не уместятся в рамки «беллетристики этого государства», ибо они возникли в СССР наперекор системе предписаний и запретов, обязательных для всех его граждан, а уж тем более — для инженеров их душ. Доказательством может служить

длинный мартиролог репрессированных писателей. Однако эта система послужила также *отправной точкой* и предоставила богатый материал для созданных ими произведений, которые связаны с этой системой окончательно и бесповоротно, и узами более крепкими, чем литература верноподданническая и настоятельно рекомендуемая для массового чтения. Эти книги невозможно отделить от истории советской людской массы — хотя бы потому, что они являются основным свидетельством состояния духа этой массы в течение долгих 70 лет ее истории. На фоне замечательной русской классической литературы, идейное звучание которой не удалось вытравить никакими купюрами и положенными интерпретациями, было легче распознать официальную ложь. Поэтому, а также по другим широко известным причинам литература осталась для жителей России предметом первой необходимости.

В этих условиях цензура становилась злейшим врагом общества, вторгающимся в последнее прибежище воображения, в то потайное место, которое каждому хочется сохранить для своих — пусть уже не мыслей, но хотя бы пристрастий. Именно эта вездесущность цензуры привела к появлению двух феноменов, значение которых выходит далеко за пределы как той сферы, которая обычно именуется политикой, так и за пределы СССР.

Первым из них был *самиздат*. Напомним, что он появился в России намного раньше, чем в других странах «социалистического» лагеря, несмотря на то, что там это было сопряжено с гораздо более серьезным риском. Вторым было парадоксальное и доселе невиданное расширение области запретных и дерзких литературных начинаний: они стали затрагивать далекие от политики (и от так называемой порнографии) стороны частной жизни, а также вопросы стиля в каждом смысле этого слова. Последней и самой глубокой линией обороны движения литературного сопротивления оказалось описание таких видов поведения, которые просто-напросто выходили за пределы общепринятых норм.

Книга, о которой здесь идет речь, представляет собой крайний, почти абсурдный пример эффективности такого способа преодоления норм и запретов.

* * *

В польское издание (великолепно составленное незабываемым Анджеем Дравичем) включены не только два законченных и широко известных («В 19 странах!» — восклицает автор в письме к сестре) произведения — повесть «Москва—Петушки», названная автором «поэмой», и пьеса «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора». Мы находим здесь частные письма, набросок еще одной пьесы, эссе о Розанове, выписки из сочинений и приказов Ленина, а также подборку собственных афоризмов Ерофеева.

Эти последние — как, впрочем, те же выписки и письма — свидетельствуют о широкой начитанности, глубоком знании истории и музыки, тонком вкусе и прежде всего — огромной проницательности и политической твердости автора.

Записные книжки писателей, как правило, дают больше пищи для размышлений, чем их книги. Особенно в России — по все еще понятным причинам. «Записные книжки» Ильфа интереснее, чем сами литературные шедевры, соавтором которых он был, — «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца».

И записки Ерофеева не обманывают ожиданий читателя.

Из Ленина он выписывал *pro memoria sua* в основном распоряжения о репрессиях и призывы к беспощадности, адресованные товарищам по партии. Немаловажно, что самая длинная цитата посвящена российской интеллигенции. В письме Горькому Ленин поучает своего (тогда еще строптивого) адресата: «*Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно*». Высказывание известное, но здесь производящее особое впечатление. Его дополняет другое указание: «*...будьте образцово-беспощадны*».

Из собственных «золотых мыслей» автора приведем три:

«И вообще: что значит “последнее слово”. Мы живем в мире, где следует произносить слова так, будто они — последние. Остальные слова — не в счет».

«Видимо, я не вставал просто потому, что другие вставали чрезмерно».

«Я тучен душою. Мне нужны средства для похудания: ничегонеделание, сужение интересов и пр.».

Но для самой важной мысли он позаимствовал цитату из Флобера: «*Написать книгу, которая держалась бы исключительно на внутреннем достоинстве стиля*».

Венедикт Ерофеев написал такую книгу — и только ее написать и успел. Это «Москва—Петушки». И неважно, что с ней не могут сравниться другие его произведения, как законченные, так и едва начатые. Одной этой книги достаточно, чтобы обеспечить автору высочайшее и достойное место в истории современной литературы.

Эта небольшая книжка, «*томов премногих тяжелей*», в обиходной легенде считается сублимацией пьяного бреда, изобилующей забавными «хохмами» и пополненной убийственно смешными рецептами коктейлей. Конечно же, по стилю она представляет собой «стеб», а по форме — шутовской монолог, в котором бесцеремонная дерзость прикрывается шуткой. Другой Ерофеев (Виктор), романист и критик, говоря о коллеге по перу с восхищением (и его родной сестрой, завистью), утверждает, что это издевательское отношение к жизни ведет свое начало от религиозной традиции юродивых, то есть одержимых, которые в трансе глумились над святыми и царями. Заметим, что привилегией глумиться над сильными мира сего были наделены шуты при всех европейских дворах; к тому же наш автор мнил себя знатоком католической теологии и тем напоминает нам не кого иного, как короля поэтического абсурда и насмешки Константы Ильдефонса Галчиньского (и это не просто ни на чем не основанное упрощение).

Но если стоять на более твердом грунте, то нетрудно отыскать и более близкие и более литературные корни тона и формы необычайной повести Венички Е. о незаконченном и бесцельном стотридцатидевятикилометровом путешествии с Курского вокзала в Москве в недостижимые Петушки. Я не думаю, что стоит принимать всерьез утверждение автора, что он написал свою поэму «*нахрапом*», между 19 января и 6 марта 1970 г., на работах по укладке кабеля из Шереметьева в Лобню. Не исключено, впрочем, что он для развлечения действительно читал ее своим товарищам по работе на кабельной трассе.

На самом деле перед нами тщательно отделанная вещь, где каждая деталь имеет свое старательно подобранное место и все ружья, поразвешанные в первых ее фрагментах, успевают выстрелить перед самым концом. Начиная с истории о Кремле, которого рассказчик никогда в жизни не видел, потому что по дороге «неизменно попадал на Курский вокзал». Но в конце концов он до Кремля доберется — лишь для того, чтобы погибнуть под его стенами от рук четырех убийц, с шилом, вонзенным в самое горло...

Как известно, автор в 80 е годы заболел и мае 1990 г. скончался от рака горла. Но это деталь из его легенды, а не из книги...

* * *

Как многие русские писатели, Венедикт Ерофеев вышел из гоголевской «Шинели» — но не до конца вышел, а лишь выскользнул. Он так и не дошел до того момента, когда автор «Шинели» на исходе своей несчастной жизни написал знаменитую фразу о пользе цензуры. Он опубликовал ее в «Выбранных местах из переписки с друзьями» еще до того, как решился швырнуть в огонь рукопись второго тома «Мертвых душ» — книги, которую назвал «поэмой».

Венедикт Ерофеев взял у него для своей книги не только подзаголовок. Он позаимствовал также гоголевский прием контраста между суетностью и мелочностью (как не хватает нам в польском языке русского слова «*пошлость*»!) описываемых случаев и встреченных людей — и картиной всей русской жизни, вызывающей восхищение, смешанное с отчаянием. Этот образ в конце захватывает читателя почти с той же мощью, с какой — у Гоголя — мчится тройка разыгравшихся коней, несущая Россию в неизвестность.

* * *

Примерно в то же время, когда Гоголь писал свою поэму, в России зародился слой общества, известный (только в той стране да еще в нашей!) под именем *интеллигенции*. Одной из задач, которые она перед собой поставила, было предугадывание, куда именно эта *тройка* несет Россию. Но небольшая часть этого слоя решила применить к коням и людям кнут, чтобы раз и навсегда силой установить маршрут движения экипажа.

Ерофеев на дух не переносил получившийся «локомотив истории» и его машинистов. Он говорил: «*Из года в год урожай все выше, стали и проката все больше, производительность труда возросла просто умопомрачительно. Мать моя, когда это все кончится?*» Не в силах дождаться этого «конца», он пил от тоски и ощущения бессмысленности такого существования — это правда. Я не верю, что он в такие минуты мог писать: вся его поэма, рассказанная беспобудным пьяницей, являет собой, как свидетельствуют приведенные примеры, образец чистоты стиля и трезвости мысли. Но можно согласиться, что он писал ее в состоянии *похмелья*. Речь идет о

состоянии отвращения к самому себе и к миру, в котором нельзя обойтись без бутылки. Или без крепкой начальнической палки, чтобы на нее опереться.

Интеллигенция — а Ерофеев был ее образцовым представителем — вслед за историческим переломом десятилетней давности попыталась уговорить население России пройти курс лечения от застарелого алкоголизма. При этом она на все лады склоняла иностранные слова, не потрудившись сообщить людям рецепт для приема таких лекарств, как свободный рынок, свобода слова, либерализм и т.п. Хуже того — за лечение взялись доморощенные знахари, «на глазок» определявшие дозировку целебных смесей и заботившиеся только о том, чтобы продать их с выгодой для себя.

Результатом стало похмелье и почти всеобщее отвращение к разрекламированным патентованным средствам. В результате сегодня в России мы наблюдаем давно известное, но сегодня ставшее грозным явление: чтобы избавиться от похмелья, люди по-прежнему хотят найти клин, и как можно крепче. Дай-то Бог, чтобы этим клином был только коктейль «Дух Женевы» (одеколон «Белая сирень», средство от потливости ног, пиво жигулевское, лак спиртовой). Но достаточно почитать Ерофеева, чтобы осознать, что каждый клин лишь вгоняет пациента обратно, в ту же застарелую болезнь.